

А

Н. Чернышевский

История цивилизации в Европе от падения Римской империи до Французской революции

Соч. Гизо. Редакция перевода К. К. Арсеньева. Издание Николая Тиблена.

С.-Петербург. 1860.

Н. Чернышевский. Письма без адреса

М., "Советская Россия", 1986

Составители член корреспондент АН СССР В. Р. Щербина и кандидат филологических наук И. В. Кондаков.

Автор примечаний И. В. Кондаков.

OCR Бычков М. Н.

Нам нет возможности проследить все содержание книги Гизо, указать все те случаи, в которых он, по нашему мнению, ошибался,-- для этого потребовалось бы написать целую книгу. Есть писатели, у которых на бесчисленном множестве страниц разведена водой одна какая-нибудь бедная мысль,-- пример тому представлял нам Молилари. Выписали мы из него несколько строк, обнаруживающих его намерения, показали двумя-тремя выписками, что он не имеет знаний, нужных для исполнения такой задачи,-- и довольно. Гизо не таков. Его исторические сочинения не сшиты из клочков, нахватавшихся по немногим, большей частью довольно плохим, источникам. Это не дюжинные компиляции с высокими претензиями; Гизо серьезный ученый; он сам глубоко изучал предметы, о которых говорит, и если у него много мыслей, несправедливых по вашему мнению, то каждая из них заслуживает серьезного опровержения, потому что взята не с ветра. Писать такую подробную оценку всех подробностей мы здесь не можем и поневоле должны обратить внимание лишь на общий принцип его воззрения.

К переводу, изданному г. Тибленом, приложена довольно недурная статья о деятельности Гизо, написанная г. Барсовым. Автор этого предисловия старается определить убеждения политической и ученой партии, замечательнейшим представителем которой был Гизо, и показать русскому читателю, как надобно смотреть на лекции, предисловие к которым составляет эта статья. Едва ли справедливо находит г. Барсов коренной причиной недостатков общего взгляда Гизо на науку ту важность, которую Гизо придал понятию цивилизации и которая будто бы помешала ему дать в истории надлежащее место народным особенностям. Правильно или неправильно рассматривает Гизо историю разных народов, но нельзя сказать, чтобы он не замечал разницы между ними. Напрасно также порицать Гизо за то, что он устранил из своего плана рассказ отдельных событий, сосредоточив все внимание на характеристике общего духа событий, учреждений и понятий в каждую данную эпоху. Напротив, эта особенность и составляет главную цену его исторических трудов. Историков-рассказчиков всегда были десятки и сотни, но никто из тогдашних французских историков не сделал так много, как он, для разъяснения смысла европейской истории. Если бы он вдавался в рассказ фактов, они только отвлекли бы его внимание от существенного предмета его лекций. Посвятив несколько часов описанию личностей и битв периода крестовых походов, он увидел бы, что у него едва остается несколько минут на общую характеристику этого явления. Но справедлив г. Барсов, когда упрекает Гизо за "излишний оптимизм в суждениях об исторических событиях". Действительно в этом и заключается слабая сторона ученых произведений Гизо. Он находит, что в сущности все было очень полезно для человечества. Страшное тяготение Римской империи истощило всю энергию подвластных стран, убило дух народов Пиринейского полуострова, Галлии, Британии, Италии до того, что эти десятки миллионов не могли отбиться от малочисленных варваров,-- Гизо находит, что централизация империи была лучшим противодействием прежней муниципальной разрозненности. Водворяется варварство -- хорошо и это: варвары внесли в европейскую историю принцип личной независимости. После страшного хаоса водворяется столь же страшный феодализм -- хорошо и это: в феодальных замках явилась поэзия. На развалинах феодализма возвышается Людовик XI -- он тоже был очень полезен,-- в каком отношении, мы уже и не знаем, но все-таки полезен.

Ученым основанием такого оптимизма служило одностороннее понятие о прогрессе. Мы видим, что какова бы ни была Западная Европа в XIII веке, но все-таки она достигла положения лучшего, чем какое было в X веке, а XVII век, при всех своих бедствиях, был все-таки лучше XIII, и нынешнее время, каково бы оно ни было, далеко лучше XVII столетия. В чем же заключаются причины этих улучшений судьбы европейского человечества? Проще всего было бы искать этой благотворной причины в натуре